

и самовлюбленность, присущие творческим деятелям того времени, предательство истинной Родины. Все то, что разрушило Россию, разрушило русский традиционный мир.

Список литературы

1. Бунин И. А. Гегель, фрак, метель / предисл. О. Клинка ; коммент. А. Бабореко, О. Михайлова. М. : ПРОЗАиК, 2014. 671 с.
2. Мальцев Ю. В. Иван Бунин, 1870–1953. Frankfurt a. M. ; М. : Посев, 1994. 432 с.

Е. И. Канарская (Нижний Новгород)

Образ Чичикова как связующее звено реального и ирреального миров в пьесах Н. В. Коляды «Коробочка» и «Мертвые души»

Пьесы Н. В. Коляды «Коробочка» и «Мертвые души» являются ярким примером реализации диалогической теории М. М. Бахтина, иллюстрирующим идею открытия и преобразования смыслов ранее созданных художественных произведений в процессе их восприятия другим творческим сознанием. Уже сами названия указанных пьес и цитируемый в них обширный текстовый материал подсказывают, что основой смыслопорождения для драматурга выступает творчество Н. В. Гоголя.

Представляется, что анализ художественного наследия Гоголя позволяет рассматривать в качестве организующего принципа инвариантной модели его произведения двоемирие. Иными словами, в любом произведении классика существуют два мира – условно реальный и ирреальный, при этом ирреальное, однозначно оцениваемое автором как демоническое, злое, всегда присутствует в условной реальности. Результатом этого присутствия становится «разрушение естественного полнокровного течения жизни, ее законов» [10, с. 75–76]. В общественном преломлении такой «беспорядок природы» воплощается во всепроникающей пошлости.

Утверждение и развитие в гоголевском творчестве описанной художественной концепции ведет к изживанию образов материализованной «нечистой силы» в пользу изображения незримого зла. Тем не менее, в некоторых персонажах признаки иррационального выражены настолько явно, что дают основание отнести их к категории демонических. Именно такое значение многие авторы (А. Белый, Д. С. Мережковский, В. И. Тюпа, В. Ш. Кривонос) в разное время признавали за образом Чичикова. Неоднократно отмечалось, что концентрация демонических свойств Чичикова особенно высока в главе, посвященной его встрече с Коробочкой (В. Ш. Кривонос, В. И. Тюпа). Сон Коробочки, «нехорошие» время и обстоятельства появления Чичикова, его поведение и выбираемые лексические единицы, а также некоторые менее явные признаки, по мнению ученых, доказывают причастность героя к «дьявольской инстанции жизни» [12, с. 59].

Исследование поэтической и идейной организации пьес Н. В. Коляды показывает, что для них также характерен принцип двоимирия, который и с содержательной, и с формальной точек зрения близок (но не тождественен) гоголевскому. Так, Н. Л. Лейдерман отмечает, что «чернуха», пошлость условно реального мира, присущая произведениям драматурга, является следствием воздействия страшной эсхатологической силы, «зла мира» [9, с. 31], т. е. того, что в поэтике Гоголя маркировано как ирреальное. Не находя духовных сил для сопротивления ему, герои теряют нравственные ориентиры и погружаются в состояние «пустоты и бессмысленности бытия» [5, с. 190], «онтологического хаоса» (термин Н. Л. Лейдермана). Очевидно, что между таким «онтологическим хаосом» и гоголевским «беспорядком природы» существует сложная концептуальная связь.

Выразителем именно этой связи в исследуемых пьесах Н. В. Коляды является образ Чичикова, как и у Гоголя, сочетающий черты реального и демонического начал, однако в том их соотношении, которое отвечает оригинальной философско-эстетической стратегии драматурга. Так, в условной реальности пьес Чичиков, как и в поэме Гоголя, играет роль композиционного центра: его путешествие формально объединяет различные картины, организуя их с помощью хронотопа дороги. В то же время, Коляда воспринимает и развивает скрытую за лиризмом мысль Гоголя о бесовской природе стремительного движения: «что-то страшное заключено в сем быстром мельканье» [3, с. 239]. У Коляды ирреальное неотделимо от дороги (так, именно во время путешествия Коробочке и Селифану являются восставшие мертвецы, наполнившие город), но так же неотделим от нее и Чичиков: по ходу действия он неизменно возвращается в свою бричку (фраза «Дорога, дорога, дорога...

В бричке Чичиков» [7] рефреном звучит почти в каждой картине «Мертвых душ»). При этом в обеих пьесах пункты отправления и назначения Чичикова неизвестны, он словно слит с дорогой: сначала возникает на ней, а затем покидает поле зрения читателя. Примечательно, что в «Мертвых душах» Чичиков буквально исчезает перед лицом Коробочки – «как сон, наваждение, морок» [7].

Особую связь, существующую между Чичиковым и дорогой, можно объяснить тем, что, согласно фольклорным представлениям, дорога является локусом, где «“иной мир” становится видимым человеку», где «снимаются барьеры между земным и потусторонним» [8, с. 390]. Иными словами, в рассматриваемых пьесах дорога выступает границей между условно реальным и ирреальным, которую свободно пересекает Чичиков.

Что касается других признаков, свидетельствующих о демонической природе Чичикова, то большую часть из них Коляда перенимает из гоголевского текста, при этом развивая их. Так, в «Мертвых душах» Коляды Чичиков, подобно герою Гоголя, без труда меняет стиль своего поведения в зависимости от качеств собеседника, тем самым демонстрируя «многоликость» и «способность к перевоплощениям» [11, с. 320], которыми обычно наделяются представители «нечистой силы». В некоторых репликах, не являющихся цитатами, Чичиков настолько «приспособлен» к тону разговора собеседника, что диалог разворачивается на грани абсурда: «ЧИЧИКОВ. Господин Манилов! Да-с. Это я-с. Хе-хе-с. Здрасьте-с. Чмоки вам мои. МАНИЛОВ. Да-с. Это вы-с. Хе-хе-с. Здрасьте-с. Чмоки вам мои...» [7].

Сделка, на совершение которой направлена смена героем личин, также имеет бесовскую природу: как отмечает В. И. Тюпа, «становясь приобретателем душ ... Чичиков оказывается едва ли не самим чертом или его посланником» [12, с. 58]. При этом важно, что в пьесах Коляды, в отличие от поэмы Гоголя, никакой «реальной» мотивировки деятельности Чичикова не дается: автор ничего не сообщает об авантюрном плане своего героя, вследствие чего его встречи с помещиками могут быть поняты как сцены настоящего искушения, лишенные возможности двоякого толкования. Подчеркивает это предположение мистическое поведение ложек в доме Манилова: после просьбы Чичикова продать умерших крестьян они «вдруг зашевелились и поехали крутиться» [7].

Наиболее явно обозначенные демонические признаки Чичикова (пластичность внешнего вида и стремление к заключению запретного договора) проявляются в сцене его визита к Коробочке, которая почти дословно повторяется в обеих пьесах. В частности, в самый момент своего возникновения в доме помещицы Чичиков неожиданно меняет

облик в ее глазах: он похож «на кучку грязи, которая тут вот вдруг почему-то оказалась – в самом центре комнаты» [6]. Далее, постепенно приступая к «главному» – к торгу, Чичиков встречает в Коробочке неожиданное препятствие, что заставляет его ярко продемонстрировать присущие ему признаки ирреального.

Прежде всего, Коляда отказывается от перерыва в разговоре персонажей, что позволяет достигнуть кульминации диалога без временных сбоев. В результате Чичиков упорно пытается сломить сопротивление помещицы на протяжении целой ночи, поочередно отказываясь то от одного, то от другого товара (их список гораздо обширней, чем предполагает претекст) и в конце концов прибегая к обману, что подтверждает мнение о склонности ирреальной силы к «препирательствам», «софистике» [2, с. 308] и лжи. При этом герой гораздо менее сдержан в выражениях, чем его «прототип», в полной мере демонстрируя «обидчивость», «злобность» и «сварливость» [1, с. 24], которыми в славянской мифологии наделялись бесы: «Ведь вот в пот бросила, проклятая старуха! Проклятая, проклятая, проклятая!»; «Чтоб ты сдохла, старая карга!» [6].

Кроме того, табуированное для Коробочки слово «черт» Чичиков Коляды употребляет чаще, чем гоголевский герой. Действие же, которое у Гоголя описано как «посулил ей чорта», драматург «расшифровывает», с помощью градации и повторов превращая эту реплику в настоящее заклятие: «Да чтоб вам черт сегодня ночью привиделся! Трехрогий, четырехрогий, семирогий бес чтоб привиделся вам! Да чтоб он прыгал тут по комнатам с хвостом горящим вокруг вас! Да чтоб вам черт, черт, черт!» [6].

Постоянный переход героя от знакомых по претексту уговоров к подобным эмоциональным всплескам, находящимся на границе нормального и сюрреалистического, создает эффект мерцания в его образе реального и ирреального, комического и тревожного. К другим средствам формирования такого впечатления можно отнести:

– крик и быстрое движение Чичикова после боя часов («Чичиков принялся бегать по комнате, хвататься за голову и визгливо кричать» [6]);

– постоянное «хихиканье» героя («Чичиков, чрезвычайно довольный, принялся, подхихикивая, быстро писать») и его неуместный хохот («расхохотался, будто показывая старухе, в каком он благостном настроении» [6]);

– неестественные звуки, напоминающие рычание, которые вырываются у Чичикова в моменты наиболее острого гнева («Корр-робочка-а-а!»).

Кроме того, особой приметой Чичикова у Коляды выступает больная лодыжка, что можно рассматривать как отсылку к фольклорному представлению о хромоте «нечистых» духов [11, с. 320].

Таким образом, Коляда не просто сохраняет в Чичикове черты ирреального, заложенные Гоголем, но и гиперболизирует их, делает более заметными или дополняет новыми штрихами. Одновременно следует отметить, что для Коляды, как и для Гоголя, ирреальное коррелирует не столько с мистическим, сколько с социальным и философским планами. Иными словами, демонизм Чичикова у обоих авторов означает не буквальную принадлежность героя к числу мифологических духов, а воплощение в нем страшных пороков современности (прежде всего, тяги к стяжательству), приводящих к гибели души как высшего начала в человеке. Следовательно, развитие демонического в образе Чичикова, наблюдаемое в пьесах Коляды, свидетельствует об абсолютизации идеи социального и онтологического зла, концентрация которого намеренно не снижается никакими гоголевскими намеками на возможность духовного возрождения героя. Чичиков Коляды представляет собой олицетворенное приобретательство, равнодушное к нравственности и ловко прячущее свои намерения под масками лицемерия. При этом вышеописанные «странности» поведения, особенно явно проявляющиеся в диалоге с Коробочкой, напоминают «выглядывание» из-под личины, что коррелирует с предсказанием Гоголя из «Светлого Воскресенья»: «диавол выступил уже без маски в мир» [4, с. 201]. Более того, Коляда постулирует неуничтожимость демонического образа «приобретателя» в условиях современной российской действительности. Данный вывод подтверждает почти эсхатологическая заключительная ремарка «Мертвых душ», нивелирующая значимость финального изгнания героя: «Велика Россия. Много Чичиковых» [7].

Список литературы

1. *Виноградова Л. Н.* Человек / нечеловек в народных представлениях // Человек в контексте культуры. Славянский мир : [сб. ст.] / отв. ред. И. И. Свирида. М. : Индрик, 1995. С. 17–26.
2. *Гейне Г.* Духи стихий // Гейне Г. Собр. соч. : в 10 т. Т. 6. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1958. 470 с.
3. *Гоголь Н. В.* Мертвые души // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем : в 17 т. Т. 5. М. : Изд-во Моск. Патриархии, 2009. 680 с.

4. *Гоголь Н. В.* Светлое Воскресенье // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем : в 17 т. Т. 6. М. : Изд-во Моск. Патриархии, 2009. С. 196–204.
5. *Громова М. И.* Русская драматургия конца XX – начала XXI века : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2006. 368 с.
6. *Коляда Н. В.* Коробочка. [Электронный ресурс]. URL: <http://kolyada.ur.ru/korobochka/> (дата обращения: 05.03.2015).
7. *Коляда Н. В.* Мертвые души. [Электронный ресурс]. URL: http://kolyada.ur.ru/dead_souls/ (дата обращения: 05.03.2015).
8. *Левкиевская Е. Е.* Невидимый // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. Т. 3. М. : Междунар. отношения, 1995. С. 388–391.
9. *Лейдерман Н. Л.* Драматургия Николая Коляды. Каменск-Уральский : Калан, 1997. 160 с.
10. *Мани Ю. В.* Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М. : Coda, 1996. 474 с.
11. *Толстая С. М.* Нечистая сила // Славянская мифология : энцикл. слов. М. : Междунар. отношения, 2002. С. 319–321.
12. *Тюпа В. И.* Женщины и птицы в «Мертвых душах» (анализ фрагмента) // Филологический класс. 2008. № 19. С. 57–60.